

Лидия Васильевна Солонинкина (Кислякова))

...Моего отца на фронт не взяли. Он не подходил ни по возрасту, ни по состоянию здоровья. Отправили его в Фурмановский район охранять вражеского генерала в тюрьме, в которую переоборудовали школьное здание. Как-то ночью этот немец решил удавиться. Мой отец его из петли вынул. Спас. Он был нужен живым... За это папу наградили Орденом Красной Звезды, а чуть позже перевели на работу в КГБ, где он также охранял заключенных.

... Еды у нас было мало, но близкие, друзья, соседи обычно рассказывали, где и что можно достать. Мама у меня была запасливая, в мирное время работала ткачихой, поэтому у нас дома имелся ситец. Его и меняли на провизию. Помню, мы ходили с тетей Тоней – мамой моей подруги – от Иванова до Гаврилова Посада. Всего – 90 километров. Вышли рано, часа в четыре утра. Добрались, и тетя Тоня тогда предложила: «Ты иди в этот дом, а я – в другой».

Я постучалась в дверь и ко мне вышла хозяйка. Люди тогда были очень добрые. Женщина меня в дом пустила и спрашивает: «Чего мама велела: горох или муку?» «Муку надо», - ответила я и протянула ей мешок. Она насыпала в него наш будущий хлеб, а я отдала ситец. «А мама велела тебя покормить?» - взглянула она на меня...

«Да», - ответила радостно я. Хозяйка налила мне стакан молока и дала кусочек хлеба. А я в благодарность протянула ей обычную пишущую ручку: «Это для дочки вашей...» Обрато мы добирались через Суздаль, так нам посоветовала хозяйка. Сказала, что можно будет проголосовать на попутку, и научила на прощание: «Автобусы не тормозите, они все равно не становятся. А шоферу дадите чего-нибудь»...

Сначала со своей ношей шли пешком примерно 20 километров, а там все-таки попутку поймали. Мы сразу сказали водителю, что хотим попасть в Иваново. Оказалось, что и шофер направляется туда же. Мужчина посадил меня в кузов, я села на тряпку на полу, а тетя Тоня устроилась на доске. Спрашиваю: «Чем заплатить можем?», когда уже приехали в родной город. «А что есть?», – спросил мужчина. Мы и ответили, что осталось немного ситца. Сначала он отказался, не хотел брать чужое в тяжёлое время. Но мы рассказали, что дома есть ещё запасы, и отдали ситец. Не отпускать же доброго человека с пустыми руками. «Спасибо, дочке сарафанчик сошьют». На этом и порешили...

От кого-то слышали, что в Писцове не хватает мыла, а мама, как знала, всегда откладывала его про запас. Взяли несколько кусочков и пустились в путь ещё до рассвета. На этот раз пришлось идти километров сорок, шесть из которых – через лес. Помню, темнота кругом, на болотах волки воют, а мы идём и трясемся от страха. В руках – свечка и спички. Если зверь выскочит, нужно было зажечь фитиль. Волки боялись света и убегали. Но

обошлось, волков не встретили. В Писцове быстро обменяли у бабушки мыло на мешок картошки.

Дом у нас был большой: две комнаты, прихожая, кухня, чулан и терраса. И к нам подселили беженцев из Ленинграда – мать с ребенком. Девочке – года четыре от силы. Мы подружались: играли, вместе ходили гулять, например, в парк культуры и отдыха. Там нам встречались в основном «ходячие» – так мы называли идущих на поправку военных. И вот в этом парке произошла смешная ситуация.

«Доченька!», – позвал один из прохожих мою маленькую подружку..

«Мама!», – вцепилась в меня с криком малышка.

Люди ахнули: когда только такая молоденькая родить успела.

«Сколько тебе лет?», – обратился военный ко мне.

«Мне четырнадцать, а эта девочка просто у нас живет», – оправдывалась я, покрасневшись...

В школьные годы я была очень бойкой девочкой. Когда нас обратно в школу вернулись, у меня появилась подружка – Симка. Мы были неразлучны, ходили домой вместе. И вот как-то Симка наябедничала на одного мальчика взрослым. За это его отстранили от занятий на три дня. Он тогда сказал мне: «Подружка твоя – дрянь! Нажаловалась на меня!». Я затаила обиду на Симку. Нельзя же своих сдавать. По дороге домой хотела ей пощечину отвесить. Но в самый неподходящий момент Симка повернулась, и я угадила ей прямо по носу. Сразу кровь пошла. Конечно, она пожаловалась родителям на меня. Вскоре мою маму вызвали в школу.

«Ты знаешь, почему меня вызывают?», – спросила матушка.

«Да», – я честно во всем призналась.

И меня отстранили от занятий на три дня. Мама отходила меня ремнем и запретила гулять пять дней. Но я осталась при своем: «Но все равно - своих не сдают!»

За городом на Ленинском пути на болотах заготавливали – резали торф. Туда нас вместе со старшей сестрой Валею отправили работать. Было очень нелегко. Железный резак весил около восьми килограммов, им нужно было отпилить торф, а потом его еще и выложить на сушку. И так целыми днями, по колено в воде, дрожа от холода и голода. Моя сестра простыла, слегла, она даже не могла долго ходить. Но медики поставили ее на ноги. Я же отличалась крепким здоровьем: не зря же все-таки участвовала в Первенстве Союза по лыжным гонкам...

У нас было два выходных – суббота и воскресенье. В эти дни я ходила в госпиталь к тяжело раненым и лежащим солдатам. Они диктовали весточки для родных и близких, а я записывала. Иногда читала вслух стихотворения и книги. Солдатам было очень скучно там лежать, и они встречали меня с радостью, говорили: «Хоть кто-то приходил, да ещё и с улыбкой!»...